

Лекции по искусству профессора Паолы Волковой. Книга 2

Автор:

[Паола Волкова](#)

Лекции по искусству. Книга 2

Паола Дмитриевна Волкова

Вы держите в руках вторую книгу уникальных лекций профессора искусствоведения Волковой Паолы Дмитриевны, прочитанных на Высших курсах режиссеров и сценаристов в 2011—2012 годах. В данной книге представлены лекции по Греции, Древнему Риму и Китаю. Паола Дмитриевна – ученица великих людей, среди которых были Лев Гумилев и Мераб Мамардашвили. преподавала во ВГИКе, на Высших курсах режиссеров и сценаристов, читала лекции в Сколково.

Лекции по искусству

Книга 2

Паола Дмитриевна Волкова

© Паола Дмитриевна Волкова, 2018

ISBN 978-5-4485-5589-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вы держите в руках вторую книгу, в которую вошли уникальные лекции профессора искусствоведения Волковой Паолы Дмитриевны, прочитанные ею на Высших курсах режиссеров и сценаристов в период 2011—2012 годов.

Те, кому посчастливилось побывать на лекциях этой удивительной женщины, не забудут их никогда.

Паола Дмитриевна – ученица великих людей, среди которых были Лев Гумилев и Мераб Мамардашвили. Она не только преподавала во ВГИКе и на Высших курсах режиссеров и сценаристов, но и являлась крупнейшим мировым специалистом по творчеству Тарковского. Паола Волкова не только читала лекции, но и писала сценарии, статьи, книги, проводила выставки, рецензировала, вела телевизионные программы по искусству.

Эта необыкновенная женщина была не просто блестящим педагогом, но и великолепным рассказчиком. Через свои книги, лекции, да и просто беседы, она прививала своим студентам и слушателям чувство красоты.

Паолу Дмитриевну сравнивали с Александрийской библиотекой, а ее лекции становились откровением не только для простых обывателей, но и для профессионалов.

В произведениях искусства она умела видеть то, что обычно скрыто от постороннего взгляда, знала тот самый тайный язык символов и могла самыми простыми словами объяснить, что в себе таит тот или иной шедевр. Она была сталкером, проводником-переводчиком между эпохами.

Профессор Волкова была не просто кладезем знаний, она была мистической женщиной – женщиной без возраста. Ее рассказы об античной Греции, культуре Крита, философии Китая, великих мастерах, их творениях и судьбах, были настолько реалистичны и наполнены мельчайшими подробностями и деталями, что невольно наталкивали на мысль, что она сама не просто жила в те времена, но и лично знала каждого, о ком вела повествование.

И сейчас, после ее ухода, у вас есть великая возможность окунуться в тот мир искусства, о котором, возможно, вы даже и не подозревали, и, подобно, странствующему путнику, испытывающему жажду, испить из чистейшего колодца знаний.

Волкова Паола Дмитриевна

Лекция №1 Греция

Храм богини Артемиды – Критский Лабиринт – Александр Македонский

Волкова: О красоте Храма богини Артемиды Эфесской, причисленного к одному из семи чудес света, ходят легенды. Его никто и никогда не видел по одной причине.

Некто Герострат, живший в Эфессе, был, что ни на есть, самым настоящим Башмачкиным. Такое тихое существо. У Гоголевского Башмачкина была идея гениального «строительства», которая называлась «шинель», а у этого тоже была гениальная идея – прославиться через «что-то такое». Не шинель себе сделать, а разрушить храм Артемиды. Ну, греком он был. Понимаете? И что он сделал: взял факел, спичку и так «Фьють», и в перекрытие. Да они чихнуть не успели, как все разрушилось. Просто спичкой чиркнул и спасти было невозможно. Почему? Они были гениальными зодчими, но строить не умели. Они не могли рассчитать несущих нагрузок. Только вы никому не рассказывайте – засмеют. У них были такие тяжелые несомые нагрузки! Антаблементы скульптурами на колонны и стилобаты, вот они и обрушивались. Достаточно было топнуть ногой и все рушилось. Что мне вам рассказывать, если у них собственной археологией стали заниматься после Македонского. А самым великим археологом всех времен и народов был Август Октавиан Премьер. Он занимался раскопками в Греции и был в нее просто влюблен. Вы вдумайтесь

в эти слова. Первый римский Император создает первое археологическое общество и тащит в Рим все, что попадает под руки. Он считал все это самым прекрасным на свете, потому что римляне так делать не умели. И именно с него начинается вся античная Греция в Риме.

Ну не умели строить люди в Греции – не понимали. А римляне умели и еще как! Это только в голову взять надо. И ничего, стоит. Я, когда по этой лестнице шла, видела, что там пандусные лестницы!

Храм богини Артемиды (реконструкция)

Храм богини Артемиды

А какой ужас навивает эта красота развалин Дворца. Ты просто стоишь, как идиот и не знаешь, где находишься. Это же какая кладка! Ну, пострадавшая немного от времени. И что? А самое страшное в этой кладке то, что в ней нет цемента – связующего элемента. Камни какие-то. Кто их там нагромоздил?

Когда мы говорим «крито-микенская культура», то имеем в виду культуру, которая предшествовала культуре другой и имела свой художественный язык, свою архитектуру, свою образность, свою историю и свою мифологию. Но мы ее не знаем и, возможно, они точно такие же НЕ предшественники греков, а просто жили здесь задолго до них, а затем и дарийцы, и ахийцы стали строить на этом месте свой новый мир. Но мир сделал диффузию, просочив в себя все это, а историческое просачивание – это очень важная вещь.

Мы считаем себя потомками самых настоящих славян, а кто видел их культуру? Кто знает? Мы знаем, конечно, но то, что знаем, свидетельствует о том, что мы, действительно, их потомки. И даже очень глубокие, потому что мы точно также остались верны очень глубокой связи с природой. Великий глубокий пантеизм – связь с природой и общение с ней. И мы очень многое унаследовали от них –

и не только, а в нашем внутреннем мире, в наших эстетических идеалах и даже пресловутом ансамбле, который называется «Березка»! Возьмите русскую поэзию – она, в отличие от поэзии всех остальных стран, ландшафтно-природная. Она вся строится, «когда волнуется желтеющее небо» на одухотворенных образах. Русская пейзажность живописна, а все русские поэты являются пейзажистами. Все! Луна. Солнце. Трава. Деревья. Может у гробового входа. Неравнодушная природа. Это всегда связь и исток поэтического образного мышления. А какие образы природы оставили нам писатели! Тургенев, Лев Толстой... Я перечитываю сейчас Томаса Манна – у него все плотно сосредоточено на человеке, на его внутреннем мире, на отношениях. И он пишет: «Слышу русскую речь. Какой красивый, напевный, бескостный язык». А это откуда все? А все оттуда. Это христианский вдох в культуре. И мы знаем об этом своей кровью, своим сознанием, своей художественной наследованностью. Но мы абсолютно не знаем глазами, как предмет. Мы немножко придумываем предметный мир. Очень маленькие фрагменты. Когда была создана русская сказка? Как бы сказал Гумилев: «Только не врите. Не знаете – говорите сразу: „Не знаем“». Что? Ну, Афанасьев первый собрал, а первые исследования написал Владимир Яковлевич Пропп – наш с вами современник, лет так на 50 старше нас. А сама сказка, когда была создана? Ну, некоторые божественные фантазеры говорят, что в 18 веке. А Афанасьев утверждает, что в 19-ом – в эпоху литературного романтизма. И Проппа надо читать. Но это не значит, что все это нам досталось оттуда сюда, как мы это считаем – это устная традиция и первый Киевский эпос был устным.

Теперь, от циклопического мира я хочу перейти к миру нашему, здесь и сейчас. Что мы здесь видим?.. Что вы бунтуете!?

Голоса: Сначала показали нам карту, потом убрали

Волкова: Еще насмотримся! Так. Сидят, бунтуют, перешептываются... А дальше будет так интересно... Итак, что для нас является всегда сигналом цивилизации? Главным сигналом любой цивилизации или любой культуры является ее архитектура. Это главное. Вся сигнальная система всегда связана с архитектурой. Есть две формы культурной деятельности. Две, что соединяют в себе несоединимое, но главное в нашей жизни – философию с бытом. Или: философию с утилитарностью жизни. Это архитектура и наше платье-костюм. Потому что архитектура – это всегда мышление людей о мире, в котором они живут. Это всегда то, что они о нем думают, и как они его осмысляют. Это всегда архитектура и изменения, которые происходят в ней. Почему? Потому что

архитектура – это вещь, живущая в пространстве. Это пространственная форма. А все изменения происходят через наше представление о пространстве. Просто запомните раз и навсегда, что первым меняется наше представление о пространстве. Импрессионизм начинается с того момента, как изменилось представление о пространстве. Конструктивизм, революция – когда изменилось представление о пространстве. Пространственный ансамбль и есть то, что мы думаем или как мы мыслим о мире, а вот для того, чтобы эту мысль воплотить, надо знать простую вещь: как цемент разводится, и как кирпичи кладутся. То есть мы с вами должны уметь соединять архитектуру с глобальностью мышления. Это подобно искусству кройки и шитья – пуговичка, иголочка, ниточка. То же самое и костюм – потрясающе интересная вещь. Я обожаю философию костюма. Когда говорят о том, что средневековье – это темные времена, я говорю: «А, давайте, посмотрим на пуговицы этих темных веков. На пуговицы, что застегивали их „темные“ камзолы». Потому что пуговица – это индустрия. Это не собор, это штучное дело, это корона Карла Великого, хотя и она вызывает большое изумление. Я специально ездила в Ахен, чтобы ее увидеть. И ее обязательно надо видеть, хотя не в ней дело, а в пуговице, потому что пуговица – это индустрия. И лампочка тоже. Индустрия – это то, что должно изготавливаться в огромных количествах. Какая пуговица, чем она пришивается, как и куда – вот на таком уровне находится и культура. Архитектура – это соединение того, как человек мыслит с искусством «кройки и шитья». И главное – это материал. Архитектура – это и есть материал. Стоунхендж – это материал с грудой камней, храм – это материал. Я пока не позволю себе дальнейшее размышление, потому что мы с вами перейдем к Криту.

Предположим, что вы приехали на Крит и сразу из Ираклиона дунули, куда?.. Ну, куда? Разумеется, в Кносс и Фест, а иначе, если не смотреть на архитектуру, зачем туда приезжать?! И, что вы там видите? Нечто, что не сможете увидеть ни в Микенах, ни в Тиринфе. Вы не видите ни камни, ни причудливый циклопизм, а видите Лабиринт, построенный Дедалом, и по которому вам и сегодня не разрешат ходить в одиночку. Да вы и сами со страху не пойдете.

А я такое трусло, что даже, если меня будет просто разносить от любопытства, никогда в жизни не пойду туда, где есть опасность. Я, когда была в этом Лабиринте, то от страху вцепилась в экскурсовода, он там какую-то хрень несет, а я держусь, только бы никуда ногой не ступить. (смех) Я была со своей дочерью Машей и все время ей говорила: «Не отстань, держись за меня, дай мне руку!». Причем я боялась сама и ребенка потерять боялась, и поэтому прибывала в полном ужасе. Представляете, войдет ребенок и не выйдет, а где я потом еще одну такую возьму? Это же штучное производство.

А что такое Лабиринт? Ну, вы же знаете, что это такое. А что такое философия Лабиринта? Что значит философия этой архитектуры? Для греков, вся архитектура, сколько бы ее не было, сводилась к одной глобальной идее – вот она, дорогая наша – посмотрите. То, что вы видите называется периптер. Вся греческая архитектура – периптер. Яснее не бывает. Периптер прекрасен – это поразительная архитектура, которая примеряет небеса с землей и, независимо от того, где вы находитесь – вблизи или внутри, странным образом создает Нечто – некий инструмент, который обязательно вас гармонизирует. Это удивительно. Вы словно в храме божьем побывали. Происходит прецедент гармонии периптера, что имеет определенную высоту и сечение. И вообще, периптер представляет собой прямоугольник, имеющий всегда на короткой стороне, по отношению к длинной, единицу и 0,65 на короткой. Маленькое отклонение от симметрии входит в правило золотого сечения. Правило, имеющее небольшие внутренние нарушения. Мы еще будем возвращаться к периптеру, потому что это основа всей европейской архитектуры, всего европейского классицизма, и сейчас к этому возвращается основа нашего классицизма российского. Любого. Это маленькая вещь обозримо-гармонична.

Скажите, может ли эта идея корреспондироваться с идеей Лабиринта? Это антиподная культура. Если бы я хотела создать, что-то обратное крито-микенской культуре, то я должна была бы сочинить периптер. А крито-микенская культура – это Лабиринт, который мы ни с какого конца увидеть не можем. Это небывалая архитектура площадью 24 тыс кв. метров. Она замечательна еще тем, что Лабиринт имеет не только горизонтальную невероятность входа без выхода. Ну-ка, расскажите мне пожалуйста, что такое вход без выхода?

Голоса студентов: делают предположения.

Волкова: Нет. Вы можете войти, но выйти вы не можете. Ну, если только на тот свет, наверное. (смех) Или нет? Ну, если вы вышли – это другой вопрос. Но, вы блуждаете, вы внутри некоего пространства ищите ответ, и вы его, иногда, находите, но чаще нет. И тогда вас поглощает хтоническое бедствие, и вы погибаете. Этот Лабиринт, как идея, а периптер? Обошел его два с половиной — три раза и гармонизировался. И счастлив. А там ужас. Это первое. Второе. Вот интересная вещь – вы не можете его сфотографировать – Лабиринт никогда и никем не сфотографирован. Это сделать невозможно. Потому что это некое сооружение, которое нельзя назвать ничем. Это не дом. Это дома, связанные между собой каким-то образом. Их взаимное действие даже не очень понятно,

но могу сказать вам, что в некоторых местах Лабиринт имеет сверху три этажа, а вниз четыре. Понимаете? То, что вы видите на поверхности – это одно или два помещения, которые фотографы постоянно снимают, а обойти его и снять полностью вы не можете. Это над вами 4 или 3 этажа, а вниз 3 или 4. Он семиэтажен, а семь магическое число на всех языках, плюс – это Лабиринт не только по горизонтали, но и по вертикали. Теперь мы к сакраментальному.

Лабиринт дворца в Кноссе

Собственно говоря, когда вы просто крутитесь на пяточке с экскурсоводом, боясь выпустить его юбку, вы видите какие-то блоки.

Лабиринт дворца в Кноссе

Кносский дворец

Видите, какая современная булыжная кладка, а вот тут мы видим такие оттесанные блоки. И вот здесь мы увидим нечто, что можно, увидев один раз в жизни, запомнить это навсегда – колонну поставленную вверх ногами. Видите, что она расположена основанием вверх? Колонна, которая сужается к низу. Это что же такое? И я даже не знаю, как объяснить это на языке семантики.

Архитектура имеет семантическую лингвистику. Я обожаю семантику архитектуры. Вы, наверное, на это обратили внимание. Умной кажусь, да? (смех) Я никогда раньше не читала о постановке вопроса: почему эта колонна установлена верх ногами? Какой же я буду дурой, если, поставив этот вопрос,

скажу: «Ме-е». А я только это сказать и могу. Потому что не знаю ответа. Возможно, речь идет просто о перевернутом мире, о котором мы еще будем с вами говорить. О перепутанном мире, а не просто так. Там, куда не сунешь нос – только так, вроде той колонны. А собственно говоря, какие нужны были знания, чтобы построить такие лабиринты? Этому надо было где-то учиться, в каком-нибудь пустяшном архитектурном институте. А ведь за их плечами, за этим Лабиринтом, прячется культура, которой мы не знаем. Неужели кто-то пришел, накидал этих камней и «Здрате!». Весь Крит – это сплошная цитата из утраченного текста. Культурный текст – большой, грандиозный, из которого осталась лишь цитата на совершенно непонятном никому языке. Для нас она – немая. Слепо-глухо-немая цитата на непонятном, невнятном нам языке. Вот, греки, как мы радуемся, сразу все прочитали, свой алфавит узнали. Стоишь около камня и, если знаешь старославянский, чувствуешь себя героем и хочца, чтобы все вокруг слышали, как ты читаешь. Хочется зрителей, слушателей, участников. И ты стоишь над камнем и читаешь. Или стоишь и держишься за экскурсовода, чтобы, не дай бог, не оказаться от него на два шага в стороне. Вот тебе раз! Приехали в гости. Только не заходите в соседнюю комнату, гости дорогие, а то не выйдете. Вот так. Это «цитата» из текста, утраченного навсегда. Но она есть... Вот я и задаю вам вопрос, а для чего это все было выстроено? Какие знания были нужны? А ведь их требовалось не меньше, чем при строительстве египетских пирамид, а, возможно, еще и покруче. Колоссальные!

Колонны

Колонны

Лабиринт

Забыла сказать из чего сделаны эти колонны. А они века стоят, в отличие от греческих, и не разрушаются. Прямо на ухо скажу – из гипса – искусственного материала. Это называется «скульптурное построение из гипса». А вот эти камни – возможно, естественный материал. Он результат алхимических соединений чего-то с чем-то. Специальной глины с какими-то растворами. Значит, там огромное количество гипсовой архитектуры, материал которой был создан специально. Колонны даже краску сохранили. Там вообще сохранились все краски.

Она потемнела от времени, но они ее не перекрашивают, так как нужно создавать специальную краску. И существует специальное распоряжение по этому поводу. Если взять и покрасить колонны современной краской, то она может их разрушить – войдет в неправильный контакт с той, что есть и начнется разрушение. А так покрасить хоца! Как Тому Сойеру – только кисточку мне дайте, а я заплачу. Но нельзя, потому что можно разрушить. Вот такая история.

А что это было? Обследование всего комплекса, куда доступен вход уже совершил Эванс. Если вы возьмете его книжку, то увидите, что он в ней ставил вопрос: а что это был за город, в котором жили люди? Возможно, это действительно был город, но мы не знаем таких городов. Города – это улицы, магазины, а в этом критском ансамбле найдены хранилища зерна, в больших длинных кувшинах для вина, зарытых в землю. Там есть утварь, предметы, в котором хранились продукты...

Но то, что очень поразило Эванса, так это отсутствие всякой бытовой мебели, бытового внутреннего устройства. Хотя, например, сохранились, знаете, что? Цинковые ванны современной формы. Такие же, как продаются в магазине. Знаете, такие красивые, на ножках. Для омовения.

Они входят в экскурсию, почему я и советую съездить на Крит и сходить в музей Ираклиона, равному которому нет.

Голос студента: А ножки какие? В виде лап или еще чего?

Волкова: Нет, обыкновенные, но они могли быть заменены – сказать трудно. Там цинковые ванны, туалеты. Нужду справить можно. Значит, получается, что они там жили. Но есть мнение, что и не жили. Равное количество ответов. Возникает еще один вопрос: что там еще могло быть? Жили – не жили, город – не город. Там происходило что-то серьезное. А как иначе? Такое грандиозное сооружение, со многими помещениями, да в семь этажей...

Какая еще одна интересная черта. Когда вы смотрите на раскопки микенской или троянской культуры, то понимаете, что она была очень милитаризирована. Вся. Огромное разнообразие щитов, мечей, шлемов, кинжалов, ножей. Она была очень воинственная, драчливая. Правда, как в Илиаде. А вот это все – антимилитарная культура – вы не найдете ни одного предмета, связанного с войной. Ни мечей, ни ножей, ни щитов, ни шлемов. Отсутствие полное. Картина, самая что ни на есть мирная. Было найдено несколько ножей, но они все для жертвоприношения. Самое, конечно, интересное, хотя интересно все – это этнический тип человека и всякие замечательные скульптурные изображения. Скажите, вот эта гражданка похожа на античную богиню? (смех) Спрашиваю, похожа или нет? Елена Троянская в хитоне, ну, на худой конец, Венера Милосская. Но это на худой конец, потому что она не античная. Так она похожа на кого-нибудь?

Голос студента: А, что у нее на голове?

Волкова: Ну, давайте мы ее сначала всю рассмотрим, а потом уже к голове подойдем. Я бы очень заинтересовалась... Что?

Голос студента: На Шамаханскую царицу.

Заклинательница змей

Волкова: Точно. Только другое место жительства, год рождения и биография. Что-то так. Поближе к пушкинской не утопии. Потому что Шамаханская царица тоже утопия. «Подари-ка мне девицу – Шамаханскую царицу». А вот эта Шамаханская хорошая догадка. Давайте, мы ее с вами опишем. Эта женщина одета очень интересно. На ней необыкновенный головной убор, поскольку вас это взволновало. И на нем изображены разные предметы – в данном случае птицы. В руках у нее что? Змеи. У нее волосы красоты сказочной, но о волосах потом – это отдельная история. На ней кофточка с облегающим рукавом и очень глубокое декольте и, надо сказать, обращающее на себя очень большое внимание. Оно такое большое, что декольте его вряд ли можно назвать. Ну, о формах я не говорю. Без слов. Потому что это еще та осиная талия. А где вы видели у гречанок осиные талии? Они же, как колонны – у них широкие руки, талии нет, все эти хитоны болтаются. А тут осиная талия. Еще на них что одето? Передник или платок и ступенчатые юбки. Ну, где вы видали такие костюмы? Где вы это видали? Можно, я пока оставлю без комментариев? Когда Филипп Филиппыч Македонский или Филипп II-ой завоевал Крит, он увидел там жрицу фантастической красоты. У нее были черные волосы, необыкновенные синие глаза, вот такая большая грудь, осиная талия. Он просто обалдел и женился на ней. Однажды, а он, надо сказать, сильно выпивал (смех), чтобы не сказать больше – неохота ломать исторический образ, так вот, однажды, он вернулся из похода – грязный, пьяный, на один глаз кривой, на ногу хромой – одним словом – мужчина! и в опочивальню. Как говорится, не принявши душа – это точно! Я читала историю и ничего не придумала. Просто излагаю несколько фривольно, но факты соответствуют истине. Распахивает дверь или занавес, входит и видит: сидит на ложе Олимпия или Олимпиада и так, на минуточку, с черными распущенными волосами, в полном обнажении, с полагающейся ей грудью и свистит.

А свист так: два пальца в рот и свистит искусно так и красиво. А перед ней, на ложе, заморожено танцуют змеи. Филипп Филиппыч, увидав эту картину, протрезвел в доли секунды. А та свистит, а змеи танцуют И поверьте мне, он рот разинул, попятился взад, закрыл занавески и без опохмелки сразу стал думать, кто будет учить будущего наследника. Он уже в тот момент стал думать, кого взять в учителя. Он однозначно понял сцену, которую увидел. Это какой-нибудь другой дурак взял бы и зарубил ее со змеями или трогать не стал – полюбовался бы картиной – эка невидаль! Вон у нас, на ташкентском базаре из корзинки, кто хошь!.. А тут-то человек был другой – голова работала мифологически. Что понял пьяный Филипп Филиппыч, одуренный походом, порубленными головами? Что на ложе к его Олимпиаде пришел бог. И что у него родится, кто? Естественно – герой. Ровно, как и положено, через 9 месяцев. А времени-то осталось мало, а дел-то много. Надо думать, что делать с этим «фантом», что тебе выпал. К Олимпиаде он больше ни ногой, никогда. Взял себе в жены просто тетку, она ему потом толстощеких родила – таких крепких мальчиков и девочек, но с ними была потом особая история. А к Олимпиаде он больше никогда не подходил. И стал готовиться. Вся Греция готовилась. Читать надо Плутарха и греческих историков. И кто у нас родился? Александр Филиппович Македонский. Вот таким образом, господа, сказок вам не рассказываю. Один, очень глупый студент мне как-то сказал: «А, если бы родилась девочка?» Но мы такой гадости не допускаем. История работает без брака. Никаких девочек – только Александр Македонский.

Александр Македонский

Александр был изображен скульптором Лисиппо – приставленным к нему дядькой. И кого же Филипп Филиппович взял в учителя задолго до рождения сына? Аристотеля. Никого другого. Что было, тем и обошелся. Он знал об Аристотеле, потому что отец Аристотеля был его личным врачом. Видите, как он голову держит? Он ее всегда так держал – это у него при рождении отметка была такая. А уж какой он был белоснежный! А там для них, если ребенок родится чернявеньким – это была такая трагедия! Все должны быть белокурыми и голубоглазыми. А уж этот-то: и белокурый, и голубоглазый, и кожа-то белее белого. Я думаю, что Александр был альбиносом. Они так описывают его белизну: «свет, исходящий к нему». И красавец-то какой, и шея свернутая была.

Помните, как Иаков боролся с богом? И тот ему вывихнул бедро, от чего Иаков Богоборец хромать стал? И у этого почти то тоже самое – дефект – отметина, как пята у Ахиллеса – божественная отметина того, что он человек, некой уязвимости. Боги помечают отметиной или зарубки ставят на избранниках. Не хочу опережать события и портить свою собственную режиссуру, но хочу сказать, что он и в самом деле был, почитай, что богом. Это невероятно! Он был человеком-амфибией. Если он нырял, то садился под водой на камень и мог просидеть так до 20 минут. Сидит себе на камне и сидит, и дышит неизвестно как. Там много чего еще интересного было, но мы вернемся, однако, к его матери, потому что по матери он был критянином. Это по отцу он македонский грек. И, естественно, он был наследником этой жрицы. Надо сказать, что сын ее очень боялся. Он боялся ее влияния. Он, вообще, очень боялся женщин, потому что они сильно на него влияли, но матери боялся больше всего и виделся с ней крайне редко. Он обожал ее и все для нее делал, но боялся материнских речей, поэтому старался к себе не подпускать.

И эта скульптура со змеями такая же, как Олимпиада. У них были яркие синие глаза и очень черные волосы. Посмотрите, видите какие у нее волосы? Здесь черно-белая картинка. Волосы смоляные, завитые в локоны и алые губы. Археологи прозвали ее «Парижанка». Она во всех книгах обозначается, как парижанка. Я бы ее немножко по-другому назвала. В дальнейшем скажу, как. Итак, архитектура на греческую не похожа, женщины не похожи категорически, ни костюмы, ничего. Мужчины не похожи также, потому что они мужчины не для войны. Мужчины какие-то очень странные, как стебли – с длинными ногами и узкой талией.

Самая распространенное изображение из всех дошедших до нас, а я подчеркиваю, что мы имеем дело только с тем, что до нас дошло, является главный герой всех фресок – бык.

Бык

Это практически самое главное изображение. Только, простите, это не Зевс, никто даже не говорит никому, что критяне не говорили, что это Зевс. Он

находится в музее Ираклиона. Вернее, фрагмент. Он сделан из какого-то изумительного, неизвестного нам черного камня. Посмотрите, как он искусно сделан. Инкрустированные глаза, белая кость, золотые рога, такая челка, морда, испещренная какими-то ложбинами, впадинами и линиями. А эти линии забиты алмазами. Он весь инкрустирован бриллиантами. Вы к нему подходите и говорите мое любимое слово «Ме-е», потому что, когда я смотрю на критское искусство, в этот момент у меня нет членораздельной речи.

Голос студента: А размер какой? А бриллиантов сколько?

Волкова: Я так не люблю слово «размер»... Примерно, вот такого. Ну, сколько? Метр. Но с рогами-то выше. Золотые рога, подслащенные бронзой, так тонко выведенная чеканка, белая кость на черном... Если бы я нашла большую картинку, вы бы увидели, как мерцают бриллианты. Бриллиантов много. Он не Зевс. Ничто об этом не говорит – он просто бык, изображение которого, действительно, встречается подавляющее количество раз в найденных вещах. К счастью, до нас дошли сюжетные сцены игр с быком. Но они ничуть, нигде и никак не напоминают олимпийские игры. Скорее, это какие-то аттракционные игры с быком.

Игры с быком

Вы видите этих юношей, похожих на акробатов? Посмотрите, какое сальто-мортале делает один из них! А тот, что стоит рядом, ловит его, а еще один, как бы сдерживает быка за рога. А бык какой красивый – просто шикарный!

Голос: А из чего он сделан?

Волков: Это фреска. Это все то, что до нас дошло. Эта вещь найдена внутри, как и огромное количество других фресок.

Я бы хотела еще показать вам вот этого юношу. Посмотрите.

Юноша с рыбой

Что он стоит и держит в руках? Рыбу. Он мирный юноша, он рыбу ловит. Нет у него никаких военных приспособлений. И какой он прелестный юноша: такого красненького цвета с тоненькой узенькой талией. Он похож на античного атлета? Ничуть. Посмотрите, какая совершенно другая здесь публика. Абсолютно. Это абсолютно все другое. Это как сон.

Юноши с кувшинами

Вот копал Эванс, смотрит и что это такое? – сам не знает. Он просто описывает, что находит, но то, что он раскопал в 1900 году еще не имело этой слоистости исторического пространства.

У Томаса Манна в «Иосиф и его братья» изложена историческая теория или концепция Карла Юнга об историческом кулисном построении пространства. Он говорит, что история, как корабль, к нам подплывает кулисье, раздвигается, а там еще одно. История не имеет непрерывности. Она имеет кулисное построение пространства. Вот есть Греция, но в ней отодвигается еще одно кулисье и появляются связи. Они в мифах, но, когда мы смотрим на предметы их нет. Это другое кулисье. Мы видим, что это другие люди. Они иначе антропологически скроены, иначе мыслят себя в мире, иначе мыслят себя в пространстве. Греки просто были хулиганами. Они все время били друг другу морды, все время тренировались любыми доступными им способами: кулаками, дисками, копьями. А как иначе в морду бить? Они были такие мышечные, а эти просто цветы, а не люди – такие нежные, никаких мечей, никакой обороны. Девушки с травами. А ботаники смотрят и говорят: это розмарин, а это полынь, а там еще что-то. А мы-то знаем, кем были эти девушки – они были лекаршами, потому что травы были лечебные и они собирали их для изготовления лекарств. Они были целительницами, они чаи варили из этих трав. Жрицы-целительницы. То есть совсем другая публика.

Сейчас я хочу показать еще один вариант того, что такое Крит. Покажу вам два фрагмента и на этом мы сегодня закончим. Мой критский юноша, вот он идет. Видите, у него на голове какой замечательный убор, как у индейца? Какая на нем одежда. Узкая талия.

Юноша и ирисы

И он идет среди ириса, среди цветов. Они все время среди цветов. И он кого-то ведет за собой, и мы знаем, что он, конечно, ведет за собой быка. А на этой фреске детки с азартом боксируют.

Боксеры

На них даже перчатки есть. Они играют. Но самое потрясающее, что я должна вам сказать – просто сразу показываю, для сравнения: вот эти вазы. похожие между собой. Вот точно так же, как и архитектура, и люди, и изображения они не похожи между собой. Во-первых, эти вазы каких-то немыслимых форм. Этот кувшин я видела в музее. На нем кисточкой нарисована осока – трава. Посмотрите, как он свою грудь нам показывает и шею? Это для того, чтобы осока легла красиво, и вы видите, как она его обтекает.

Кувшин

А эта, вообще, какая-то невероятная штука – он весь ассиметричный, с разных сторон совершенно разный, красоты необыкновенной.

Кувшин (чаша) с лилиями

На нем лилии белые изображены и на ножке. За что его хватать – неясно, скорее всего вот за эти ручки. Килик на высокой ножке, Микенская эпоха 13 век до н.э.

Килик на высокой ножке

За ножку его не возьмешь – там красота цветка. Очень красивый сосуд, с разных сторон. Конечно, это не бытовой, а ритуальный предмет. Но, чтобы мы с вами не смотрели, даже бытовая утварь – она вся связана с какими-то растительными мотивами, не сюжетами, как в Греции. В Греции человек посередине мира. А на Крите человек посреди природы.

А здесь на трибунах сидят красивые девушки.

Девушки на трибуне

Они аплодируют своим молодым людям. Какие у них локоны, синие глаза. На голове у них прически, а в их волосы вплетен жемчуг. Они же были потрясающими ловцами жемчуга. Они все в жемчугах. Сидят и ручками аплодируют.

А я видела скульптуру, от которой остались одни только ручки, из такого же черного камня, как и бык. Вы бы видели, какие пальчики. Тоненькие, плоские

на конце. Какие браслеты, какие колечки. И вы смотрите на эти ручки и видите Францию 70-х годов, 19 века: банкеты, красивые женщины с такими же ручками. Женственные руки, искуснейшая работа.

И вот последний экспонат, что я хочу показать – это очень знаменитая вещь Это один из самых распространенных на Крите мотивов – это пряжка или не пряжка, брошка или не брошка – украшение. Когда вы столкнетесь с какими-нибудь изделиями Крита, то все, что они делали не имеет значение. Вы все рано видите фантастической красоты ювелирное изделие. Здесь изображены две пчелы.

Две пчелы

Эти две пчелы, объединенные единой большой короной, и с их крыльев как бы стекают капли меда в виде золотых монеток. Пчелы, так же, как и бык очень распространенное изображение на Крите. На всех языках мира пчела имеет одно и то же значение – из мертвого в живое. Когда Самсон, убив льва, вернулся через какое-то время к трупу хищника, то увидел, что в пасти мертвого льва пчелы устроили соты. На пчелах, запряженных в колесницу, ездил Персефона – царица подземного царства, которая жила и под землей, и на земле. Ее знаком была пчела, как у Афины была белая сова, у Зевса – бык, у Аполлона – черный волк или ящерица. Каждый из богов имел свой знак, свой шифр. Пчела у Персефоны говорила о том, что богиня бывает и тут, и там. И, когда богиня на своих пчелах появлялась на земле, наступала весна. Она ехала на повозке, а за ней зеленела трава и распускались цветы. Затем она спускалась обратно и землю покрывала печаль.

Голос студента: Изначально был бык-пчела, а потом они разделились.

Волкова: Это когда было? Имейте ввиду, что пчела и бык одно и то же. Это бык-пчела и они, действительно, потом разделились. Благодарю вас. Я очень люблю ваши выступления. Впереди нам предстоит общение не совсем обычное и поскольку оно очень важное, мы с него и начнем. Вы все усвоили? Материал очень большой и плотный. (Аплодисменты)

Лекция №2 Греция

Бык – Греческая периодизация – Эллада и эллины – Олимпийские игры – Искусственный регулятор

Волкова: Итак, на чем мы остановились? Мне очень жалко, что... (смех) Я что-нибудь неприличное сказала? Почему вы смеетесь? Я рассказала неприличный анекдот?

Голоса: Нет. Но мы в ожидании.

Волкова: Я вообще их еще не рассказывала. Но у меня с анекдотами беда – я их не запоминаю, они из меня выскакивают Так. Очень плохая картинка. Здесь есть попытка реконструкции Лабиринта. Но я коротко хочу сказать, что все-таки есть вопросы. Не на все вопросы мы можем давать ответы. Надо просто привыкнуть к тому, что самое сложное это поставить вопрос. Потому что, если вы правильно поставили вопрос, то вы, тем самым, сделали возможным ответ. И не надо сразу отвечать. Повторим немного о быке. Вот у меня есть такая открыточка из Ираклиона с головой быка. Помните, мы говорили в прошлый раз о бороздочках? И то, что они инкрустированы бриллиантами?

Эти золотые рога-лиры, инкрустированные глаза, губа, сверкают алмазы. Ты стоишь и ничего не говоришь. А что можно сказать? Издать первичный звук жертвы «Ме-е, Ме-е» – овна под ножом, потому что это, действительно, нож занесенный над тобой вот этим вот вопросом. Господа, а цивилизация чему равна? Чему равна цивилизация, если она создает такие вещи? Посмотрите, какая рафинированная форма, какая она вся безупречная. Как сделан этот рисунок золотых рогов-лиры, как он очерчен. А это ведь фрагмент. Бык, сверкающий золотыми копытами и бриллиантами. Это изделие, свидетельствующее об уровне цивилизации. Точно так же, как построенный дом, государство или что-то еще. Три этажа сверху, четыре вниз или наоборот. Это когда еще такое строили? Никогда. Несомненно. И не надо даже примеров приводить, эти предметы принадлежат цивилизации, которой больше нет. И античная греческая культура ничуть или мало была на нее похожа, потому что

она отличалась другими чертами и интересами.

И повторяю, та мифология, в которой связывают греков с Критом – это греческая мифология. Это то, что рассказывают греки о своих богах, но не Крит о себе. А он рассказывает о себе только оставшимися фрагментами при раскопках, многие из которых были сделаны на рубеже 19 -20 веков Эвансом Артуром, за что ему низкий поклон. Это он открыл перед нами окно в эту цивилизацию. Еще на острове Санторини, где та же самая цивилизация была превращена в осколки. Там есть какие-то признаки. И ни слова, ни гу-гу, ни письма. Как мы можем сложить фрагменты этих глобусов? Ведь этот юноша похожий на цветок со своим красным, загорелым телом и со связкой рыбы больше смахивает на девушку.

Где мы можем еще найти таких красоток с алыми губами, осиной талией, огромными глазами, черными локонами и открытой грудью? Все исчезло. Это было удивительное место.

А дальше начинается сон бездомного под мостом. Это мой бред по поводу всей этой культуры.

Голоса: А это какой век?

Волкова: Примерно 12-ый. Что я думаю. А я кое-что думаю, исходя из того, что видела собственными глазами не только на Крите, но и еще в некоторых музеях мира. Я предполагаю, судя по тому, что там не было никакого вооружения, тем более, что военная история совсем другая и меняется в зависимости от военных изобретений, Так вот, я думаю, что это было особое место. Там не жили. Жили вокруг, чему есть свидетельства в находках. Вокруг Лабиринта жили люди, обслуживающие его. Возможно, сам Лабиринт являлся сакральным местом, где, с одной стороны, проходили некие мистические и магические ритуалы. С другой стороны, в нем проходило некое народное действо, типа карнавала, что прекрасно между собой сочеталось. Туда съезжались люди параллельных культур и принимали во всем этом участие. Сидели на трибунах, остатки которых сохранились и хлопали в ладошки. Там ведь было несколько очень

глубоких культа и основа их, как мне кажется – основа этих мистерий, была совершенно особой – это тема любви и смерти. Смерти и возрождения. Я потом поделюсь с вами одним соображением, что тема, связанная с быком, была заложена в очень древних глубинах хтонического сознания, потому что наша хтоническая память хранит тандемы тех мест, из которых мы приходим. Скажем, для Центральной Европы таким главным тандемом является Медведь. Все ритуалы связаны с Медведем – с тем, кто ведает медом. Или с волком. А все Средиземноморье главным знаком подсознания считает Быка. И бычье племя. Возьмите Европу, что была похищена быком! У Шарля Бодлера есть такие замечательные стихи:

Когда природа в страстности живой,

В неумоимости, неистощимых родах,

Выбрасывала в жизнь Титанов и Уродов,

Я стал бы жить вблизи гигантши молодой.

Вот это было время, когда природа была «в страстности живой»! Когда она формировала Нечто. Я думаю, что сейчас такой момент уже наступает. Вот это была страстность! Она выбрасывала в жизнь Титанов и Уродов. Европа родила и Мидаса, и Кентавра. Этого Минотавра и Урода. Она понесла от Быка. Что значит хтоническое соединение? Она не может освободить себя от представления о том, что я и есть камень, и я есть бык. И я есть цвет, и я есть дуб. От абсолютной присутности нам этой метаморфозы. Забегая несколько вперед, хотя я еще буду к этому возвращаться – основная этическая идея греков, и в первую очередь царя Эдипа, было освобождение от хтонического чудовища в себе, потому что инцест не различает только хтоническое сознание. Ему неведом инцест. Кот запросто переспит со своей мамашей, совершенно в этом не разбираясь. И мы не может сказать: «Ах, ты, тварь такая, чего творишь?! Идешь по стопам царя Эдипа?» А он чхать на тебя хотел. Поэтому и для греков было важным освободить себя от этого чудовища, истребив в себе Кентавра. Совершенный человек для них был на центральном месте.

Сама тема Лабиринта и тема перехода-ухода и возможного возвращения или не возвращения очень важны и заставляет нас сосредоточиться на Быке и игры с ним, а также на Пчеле, которая была, есть и остается образом «из мертвого

в живое» и «из живого в мертвое». Пчела извечный образ того самого выхода по ту сторону и возвращения назад – это такое движение вечности. И, конечно, змея. Давайте, еще раз, посмотрим на эту заклинательницу змей.

Заклинательница змей

Они же были заклинателями. У нее в костюме есть одна интересная деталь – передник, о котором нам кое-что известно. Когда они играли со змеями, то одевали на себя такие передники с емкостями. И так как они являлись большими специалистами в этой области, то посвистываниями и движениями тел, доводили этих несчастных змей до того, что те выплевывали свой яд в карманы их кожаных передников. Надо было обязательно сделать так, чтобы змея сама выплюнула яд, на основе которых делались мази и лекарства. Они были колдуньями-знахарками.

Не случайно Александр Филиппович побаивался свою маманьку – там женщина серьезная была – красотка с синими глазами. А что касается обнаженной груди, то это тоже вопрос важный. Если вы помните, в Египте женщины тоже обнажали грудь. Это лишний раз свидетельствует о том, что они были приворожены мистическим поясом Космоса. Читайте Хлебникова! Млечный путь. Они были напрямую связаны с Млечным путем. Девушке ходить с открытой грудью очень полезно! Для Космоса (смех) и для человечества. Вот так!

А теперь я вам кое-что расскажу. Вот он Крит. Я уже говорила, что он образовался в результате, как мне кажется – именно мне, доказать не могу, но ощущение такое, что там был какой-то эпицентр взрыва. Он был такой мощи, что часть суши откололась и ушла под воду. А другая часть осталась болтаться наверху. Это острова. Сейчас начинается подводная археология. Говорят, что это можно сойти с ума! Если мы с вами повернем немножко налево, то, кто являлся самыми лучшими купцами древности? Карфаген, кто сделал? Путешествовал много, кто? Был такой очень интересный народ... Финикийцы. Мы им обязаны очень многим. Это публика была серьезная. Они, в основном, были купцами и, как раз, Европа была финикийской царевной, как и Дидона. А к этим племенам, обе эти женщины имеют большущее отношение. Критская культура

пропала вообще. Мы ее не знаем. До самого начала 20 века. Она показала нам свое лицо в маске только благодаря грандиозным раскопкам. Вы же не скажите, что греки ее наследовали? Правда? Это ученые потом стали так считать, из-за мифологии. Где они ее наследовали? Пальцем мне покажите, где это наследство?! Прямое эстетическое, грубо говоря. Они что? – папа с мамой, что ли, или дальние родственники? Ну, совсем не похоже. И философия в голове другая полностью. Но кое на кого они все-таки похожи или кое-кто похож на них. Когда я, однажды, позволила себе съездить, куда бы вы думали? – на юг Испании, то там увидела кувшины. Где? В простой сувенирной лавке, где все покупают сувениры. Я, конечно, тут же взяла в руки тяжелый глиняный кувшин, чтобы полюбоваться и подумала: «Тяжелый, не потащу». Смотрю на него и понимаю, что где-то я уже это видела. А там еще кувшины были с такими вот шеями, что я вам показывала. Я ахнула! А это здесь откуда? Морду задрал, тут цветок по нему ползет, прямо сюда. Меня как зазнобило на этой жаре, и я поняла, что произошла удивительно странная история: критская культура, в силу каких-то обстоятельств, была перенесена финикийцами на юг Пиренейского полуострова. И я в этом не сомневаюсь!

Между прочим, город Кадис – знаете такой испанский город? – финикийцы называли Гадес. Они основали его и другие города, идущие по берегу. И называли это место Шпанией. А все дальнейшие названия, как Испании появились уже потом, при римлянах и прочих товарищей. Вообще-то, римляне называли ее Иберия или Утика. У нее было два названия, а вот финикийцы называли Шпанией.

Вы, когда-нибудь видели деревенскую корриду? Любимое развлечение юношей. Открывают двери загона и быки начинают бежать, а парни через них прыгают – дурака валяют. Это, так называемая деревенская коррида, которая до сих пор сохранилась в деревнях. Так вот, я видела документальный фильм и убеждена на 100 процентов, что это игры древнего Крита. Весь культ корриды ушел не в Грецию, а через финикийцев перетек на юг Испании. И там пророс. Видите, как интересно. Странные мосты времени. На юге Испании есть удивительное место, называется Ронда. Туда надо ехать все время вверх, по такой очень петлеобразной дороге – я их терпеть не могу. Так вот, в этом самом местечке, под названием Ронда, находится первая в истории арена для профессиональной корриды.

Арена для профессиональной корриды

Арена для профессиональной корриды

Скульптура быка перед ареной

Это известно. Построили ее там римляне. Как известно для них Испания – дом родной. Там все родились! Марк Аврелий родился не где-то, а в Толедо. Римлян в Испании всегда было очень много. Они очень тщательно выбирали себе места, где потомство рожать. Они и построили эту арену. Вы спросите для чего? И я вам отвечу: им там скучно было. Они любили игры ниже пояса, да покруче, чтобы насмерть и чтобы кровь была, а то без нее скучно. Вот они себе и построили там настоящую коллизейную арену. Понимаете? И, если вы внимательно посмотрите, то увидите, что арена для боя быков и гладиаторская арена имеют одинаковую архитектуру. Даже загородки, из которых выходили гладиаторы и быки выбегали. Они немедленно издали законы, так как были правовиками, для того, чтобы их гладиаторы резались с быками насмерть. Так родилась коррида. Она родилась в первом веке новой эры, в Испании и является традицией игр с быками, идущей из глубокой древности – из Крита. Для меня, очень большим событием всей моей жизни, стала выставка Пикассо в Лондоне. Это была выставка его керамики.

А теперь слушайте внимательно. Среди необыкновенно разных экспонатов, а у Пикассо я очень люблю керамику, есть тарелки. Он, конечно, гений в кубе. Начинал с нуля во всех областях и был фантастическим типом. И на этой выставке висели тарелки, по форме больше похожие на блюда, типа «селечница». Первое блюдо казалось абсолютно таким фаянсовым, ни цвета, ничего. И только, когда вы к нему подходили, то понимали, что видите на днище изображение быка. Причем его изображение, как бы вдавлено в это днище, каким-то инструментом, может, даже кисточкой, только ее задней стороной. И больше ничего.

Дальше идет развитие темы быка. Что такое бык у Пикассо вы знаете. Без него, как говорится, дорогого, не обходится просто ничего. И эти тарелки, как история корриды. Начинается с этой тарелки и постепенно переходит в развитие отношений с быком. Постепенно открывается тема судьбы, смерти и ухода с возвращением. То есть начал с того, что на дне, кисточкой был втиснут бык – белое на белом, а последнюю превратил в очень объемное, перспективное изображение с глубокой перспективой.

Тарелка Пикассо

Тарелка Пикассо

Тарелка Пикассо

Тарелка Пикассо

Тарелка Пикассо

Он заполнил блюдо так, что оно превратилось в трибуны с пестрой толпой и вам начинает казаться, что это движущаяся масса, а центральная часть заполнена всеми элементами корриды. Это – история корриды на тарелках. Вы видите

пикадоров на лошадях, быка... Абсолютно все! Там было больше 20-ти тарелок. Возвращаясь к первому изображению, я хочу сказать, что он показал на ней – вот я вам только что китайцев читала, считайте, что это вот-вот из дао выпадет. Белое в белом – воспоминание о чем-то главном, о знаке в бессознательности, в давленном навсегда. Это тема быка, как первооснова, как первопамять, как некий знак, навсегда связанный с этой древней хтоникой. Боже мой! Не подтвердить, ни опровергнуть мы не можем ничего. Но как это корреспондируется с тем, что мы понимаем, знаем и догадываемся. А поскольку он был гениален, то эта историческая дуга, которая проходит отсюда к традиции, ставшей фольклорной традицией народа и до того, как она превратилась в гениальную форму гением испанского сознания.

Ну, а как вам нравится испанка?

Джон Багнольд Бургесс – Красавица испанка

Гуэреро Мануэль Руиз – Испанки на террасе

И локоны такие черные, и глазищи. А талия? А кофточка с узенькими рукавчиками, а ярусные юбки? А эти платки, которые они вот тут завязывают? А монисты? Вот, ребята, как дела обстоят, а вовсе не так, как нам описывает официальная история. Она предельно формализована. Предельно. Конечно, меня – бедного человека, обидеть всякий может, но мы себя в обиду не дадим, мы не такие уж беззащитные. У нас в кармане аргумент имеется. А пусть мне докажут, что это не так! Вы верите мне?

Голоса: Да!

Волкова: Я для вас убедительна?

Голоса: Да!

Волкова: Все! Я уже неоднократно с этими хохмами ездила в Одессу и возразить мне никто не может. Понимаете? Откуда у испанки детали критского костюма? А что они о себе рассказывают?

Ничего. Кто-то, когда-то, где-то. То ли цыгане, то ли кто. А цыгане это кто? Финикийцы, между прочим, были странниками и ворами. Они были кочевым народом. Прежде всего кочевым. А вот сейчас я вам скажу серьезную вещь: они были всюду и нигде. Они шумною толпою шуровали по всему Средиземноморью. Они жили всюду и нигде. Они просто были странниками-купцами. Хорошо считали деньги – это было их специальностью, а уж как они обворовывали! Многие неоднократно страдали от финикийцев.

Поэтому, когда говорят «цыгане», я отвечаю: «А это кто? Вспоминай финикийцев». Мне парируют: «Но цыгане имеют египетское происхождение!», а я говорю: «Это еще надо доказать. А вот то, что они могут иметь финикийское происхождение – этим надо просто заняться. Немножко заняться. Это лежит на поверхности». Это перенесено туда. И поэтому, когда в Испанию – и не в фольклорную, а в культурную традицию входит тема быка, как тема судьбы и рока, уверяю вас, что она вьется-вьется-вьется и становится гораздо более устойчивой, чем исторический процесс. Они не совпадают. Они все время расходятся, а мы их все время пытаемся совместить.

У меня есть такая мечта, что когда-нибудь, если я буду еще способна, что-нибудь делать, набрать маленькую группу и снять кино о всех этих проблемах в искусстве. Именно об этих проблемах. Потому что они бегут перед глазами. Почему, глядя на эту испанку, никто не скажет: «Господа, почему волосы в кольца завиты, глаза такие, талия, а эта этничность? Так не может быть, чтобы древние критянки пропали – они там, в Испании, их переселили, а все говорят в Грецию. А в Греции их нет! Они есть, но не там».

Их искать надо среди финикийцев, в их племенах, в истории их скитальчества. Нет у них государства! Они все время в дороге и имеют отношение к лошадям, торговле, деньгам и воровству. Но воровству в чистом виде. Не буквально воровство в низкой форме, а такому гешефту. Купеческая честь – это просто святое. Причем их очень интересно сравнить этнически – они же оставили огромное количество отпечатков этнической самости. Что касается искусства, как такового, то для того, чтобы его создать должна быть соответствующая

цивилизация.

Я еще на секунду вернусь к Криту. Вы видите один из фрагментов критского закоулка.

Как говорится, зашел за угол, а там это. То ли играют, то ли пляшут дельфины, без всякого тебе мифологического значения. Как фрагмент аквариума. Нарисованы волны и потрясающие темно-синие дельфины.

Они писали траву, цветы, играющих рыб. И каких рыб! У них там целое собрание рыб, есть даже летающие – с крыльями. Это совсем другое восприятие природы и себя, как части этой природы. Просто кусок аквариума, где плещутся дельфины. И еще загорелый, тоненький, нежный мальчик с рыбами, в каком-то веночке —абсолютно другое ощущение себя в пространстве. Очень неограниченное, очень разлитое и, конечно, полностью мистическая тема. Умирание и возвращение, пчелы, Персефона. Все, на этом баста! На этом я хочу Крит закрыть, потому что больше у Крита продолжения нигде нет. Это слепой, немой обрывок. Цитата. Исчезнувшая полностью цивилизация, которая принадлежала к тому же времени и к той же эпохе, что и Тиринф к циклопической культуре, что была необыкновенно высокоразвита. Больше таких высокоразвитых цивилизаций не было, потому что развитость эту мы видим и в Египте, и на Крите. В этих двух моментах. Эта развитость была и в отношении человека внутри мира. И я хочу прочитать стихи Арсения Тарковского, обращенные к Джотто:

Я человек – я посредине мира.

За мною мириады инфузорий

Передо мною мириады звезд

Я между ними лег во весь свой рост

Два берега связующие море

Два космоса объединивших мост.

Какие стихи, правда? Они, как раз и про это. Нам, конечно, сейчас надо быть более ответственными, внимательными и вместе с тем дерзко относиться к тому, что мы видим. Нам надо стараться складывать эти тексты, а то мы все «бу-бу-бу». То же самое я хочу сказать и по отношению к Греции. А еще сделать и дать вам немножко другую концепцию.

Я не согласна с той концепцией, что дается по отношению к античной Греции на протяжении очень многого времени. Хотя должна сказать, что любая концепция имеет право на существование, тем более, что она доказана. Передо мной книга Воцининой «Античное искусство». Вместо имени автора можно поставить любое другое имя. Есть книга Полевого, есть книга Випра, Вермана, Мутора, Винкельмана, великого Циннера, которым пользовался Томас Манн. Существует масса книг, которые с очень давнего времени дают определенную концепцию Греции. Почему? Потому что Греция – это пуповина, которой мы питаемся до сих пор. И она не перерезана. Помните, я вам говорила об этом? Это наше родовое место, куда мы можем деться, если у нас греческий алфавит. Стоишь у камня и легко читаешь на древнегреческом. Это, действительно, наше все, и я говорила вам уже раньше, что по отношению к античности принята периодизация. И она вещь устойчивая и никогда не меняется. Собственно говоря, периодизация придумана нами: немцами в 18 веке, римлянами в 3—4 веках, а советскими искусствоведами в 20-м веке. Она одна и та же, и неизменна – это деление. Я беру Грецию, но читать буду кратко. Я могу читать о ней и год, и два. Но у нас очень большая программа, поэтому читать я ее буду кратко. Периодизация следующая. Гомерская – самое поразительное в том, что мы ничего не знаем, что там было. Конечно, понятия какие-то были, описания, но у нас нет того, что сейчас называют таким словом, как «артефакты». Ни тебе дома, ни тебе крыши, ни тебе мальчика, ни тебе девочки, ни тебе собачки. Ничего. То есть нет художественных произведений – только описание. А описание очень интересное. Иногда попадаются такие кувшины, которые называются «диплоидные сосуды», датирующиеся примерно 9-ым или 11-ым веками. Мы верим, нам все равно – их нельзя сложить ни в какой текст. Сосуд и сосуд. И мы над ними медитируем:

– Вот, видите, – говорим мы, – 9-ый век, диплоидный сосуд, Гомер, такое высокоразвитое, художественное время, уже жизнь такая могучая, форма

эпическая, развитый язык. А на вазах только один меандр «непрерывность времени» – волна. Нам искусствоведам не интересно, что в искусстве нет гексаметра, он только в литературе. Сохраняется легенда о времени, а потом мы говорим сразу, быстро и пишем так же сразу и быстро «архаический период». А «архаика», знаете, как будет в образном выражении? Это будет «Когда?», «Как туда надо идти?», или «Иди-ка ты отсюда и до обеда не приходи!». Это примерно так. Почему я так говорю? Потому что архаическим периодом считается то, с чего мы начинаем его считать. Где-то 7—6 века, но это с хорошей натяжкой. И поверьте, во всей литературе. Облегченный выдох. Общий. Наконец-то, облегчение. Где-то там начало этого архаического периода. Правда, не понятно, где плышет хронология. То ли 7-ой, то ли 8-ой... Одним словом архаический. Что в него входит – это так интересно! Безумно! И когда архаический период кончается, то это так же встречается большим, глубоким, общим, великим вздохом облегчения. А чем он заканчивается? Победой греческих этнических племен в греко-персидской войне! Ура! Вот тут и начинается все то, о чем мы знаем. Победа греков в греко-персидской войне на рубеже 6—5 веков является не совсем концом архаического периода. Он еще немножко-немножко длится, но я вам скажу по секрету одну вещь, того чего нет в книгах: при архаическом периоде складывается тип периптера, изображение спортсменов и кого-то еще, кого никто не знает и гадают: кто это? По одним сведениям это одно, по другим – другое. Впрочем, неважно. Архаический период замечательный, потому что уже есть мальчишки, девчонки, периптеры и очень интересный центр архаической культуры. Он находился в Малоазийской Греции и назывался Милет. Художественная и философская столица Милет. Потом начинается наше налюбимейшая классическая Греция 5 века. Это, как в Европе, когда говорят, что лучший период был между двумя войнами: первой и второй. Фокстрот танцевали, из мундштуков курили, шапочки такие на головах носили, юбки до колен, в театры ходили, кино. Какая красота! Конец 10, 20, 30-х годов. Боже мой! Так вот, главная Греция находилась, как раз, между Греко-персидской и Пелопоннесской войнами. Все, что мы знаем о Греции – тут! А Пелопоннесская война длилась лет сто, ну, уж 80 – это точно! Сколько там поубивало! Давайте, вот как договоримся: когда будет нужна датировка, я вам буду ее говорить. Это третий период.

Четвертый период – это высокая классика. Все тоже очень здорово, потрясающе. Все любимо, все знакомое, но немножко с такими тонкостями – это период от Пелопоннесской войны до смерти Александра Великого. До смерти Александра Македонского. А потом все – больше ничего не было. Все греческие периоды закончились. А что же было? В самом последнем периоде – между смертью Александра Македонского и распадом его огромной Империи

до римского завоевания Греции. Этот период называется «эллинизм». Вот теперь, действительно все. Такова греческая периодизация. У меня тут есть такая интересная книжечка, греческая – она полностью придерживается этой периодизации. И откроем книгу Воцининой. Читаю: искусство эгейского мира, греческое искусство в период становления антично-рабовладельческого общества – это то, что называется архаикой, только тут этот период культурно называется. Понятно?

Голоса: Нет.

Волкова: Никому не понятно. Не только автору или нам. Но так называется. Как оно становилось – этого никто не знает. Греческое искусство эпохи расцвета 5 век. Греческое искусство поздней классики 4 век. Эллинистическое искусство 3—1 век до н. э. Все. Потом дальше идет искусство Рима. С ним тоже немало загадок и бед. Любая книга написана именно так. Я же вопрос ставлю принципиальный, а вся периодизация остается. Мы ее не трогаем – ни в коем случае. Зачем нам замахиваться на то, что устоялось веками? А может так и было? Оно и правда так и было. Как был и особый период между двумя мировыми войнами. Вот в Греции все очень структурно, по хронологии. Поэтому принятое деление не случайно. Большими людьми принято. Даже Август Октавиан, который первым занимался греческой археологией, многими воспринимается, как одно и то же, что и древние греки. А ведь его отделяло от них ровно столько, сколько нас от эпохи Возрождения. Господа, вы задумайтесь, 500 лет – это срок! (смех) А, когда мы говорим про античность вообще, разницы нет. У меня есть одна знакомая девочка, для которой абсолютно нет никакой разницы между Первой и Второй мировыми войнами. Она разницу не знает.

Голоса: Она маленькая?

Волкова: Маленькая. Школу заканчивает и считает, что Бородино и Сталинград – это, где-то рядом. Ей без разницы. Абсолютно. И, когда я своей дочери рассказала об этом парадоксе, она сказала:

– Мама, а что ты хочешь от бедного ребенка? Какая ей разница. Ты помнишь, когда были Пунические войны?

Я говорю:

– Помню.

– Вот ты одна их и помнишь. (смех)

Поэтому, когда говорят, что Рим есть Греция, то, господа! – Венеру Милосскую создали через 400 лет после того, как делали это искусство. Это то же самое, что Франция Александра Бенуа! Это – искусство, стилизация. Мы пропускаем 500 лет!

А самое главное, что мы сейчас сделаем перерыв, а то я «кап-кап» вам на мозги, а они тоже устают...

Итак, утешились, успокоились, усмирились. Перерыв закончился. Мы говорили о концепции. Период Гомера, период эллинизма. Период между двумя войнами. Моя концепция имеет ввиду один вопрос. Законный и только для античной Греции: Как могло случиться, что культура, существовавшая с очень большой натяжкой 500 лет и имевшая единую художественную политику, как было в Риме и всюду, где был государственный строй, не имела никаких общих политических рычагов, а имела бесконечно дерущихся между собой народов? Когда читаешь историю не перестаешь поражаться – они себя друг друга постоянно мутузили. Причем, эта их драчливость, хуже сталинской коммуналки. Там непонятно, что происходило! Мужчины на войне дерутся, женщины дома плачут. Государства нет, денег нет, границ политических нет, а мы с вами установили, что Греция политических границ не имела – мы не можем их указать. Почему у них не было территории, зато была Эгейская лужа?

Голоса: А, что могло случится?

Волкова: Они до сих пор обслуживают весь мир искусством. Причем самое смешное то, что самое большое обслуживание всего мира началось в 20-ом веке. Двадцатый век без Греции немыслим. Без Рима немыслим европейский классицизм, а без Греции 20 век. И все. Ни Пикассо, ни Матисса, ни археологии. Никого и ничего. Поэтому моя задача ответить на этот вопрос. Когда встает вопрос периодизации, то ввиду имеется, что все остальное хорошо знакомо или хорошо известно. Да? Когда мы обсуждаем период, то главный вопрос и ответ на этот вопрос лично у меня есть. Но, если принять во внимание не периодизацию, а хронологию. А с какого момента мы с вами можем считать, что родилась древняя Греция, которую они называли по-разному, но есть такое

одно слово «Эллада». Еще мы с вами говорили «эллины». А что это такое? Национальность, этнос? Кто такие эллины? Наверное, это население Эллады? А Эллада где? Где тут Эллада-то? Нету никакой Эллады, потому что вы не можете ткнуть пальцем и сказать: «Вот – это Эллада». У нее границ-то нет. Государство Эллада есть такое? Нет. А что это такое? А Эллада – это не границы, не земля, не государство. Это понятие. Это виртуальный мир. И эллины – это тоже виртуально. Это виртуальное население виртуальной Эллады. Правда, здорово? Это чистая метафизика. Абсолютно метафизическая вещь. Ну, Греция, вообще, страна философии и нам очень трудно сказать, кто были эти философы. Мы говорим, что, такой-то философ, он оттуда и прочее. Они очень любили давать имена по месту рождения. Дон Кихот Ламанчский, к примеру. Гераклит Эфесский, Фалес Милетский и т. д. Почему? А они указывали, где родились. Место рождения. Но никогда мы не найдем Эллин такой-то. Потому что этого нет. Эллины – те, кто в Элладе, а ее нет. Но все-таки Эллада же была. И я должна вам сказать, что есть одна очень таинственная вещь, чисто метафизическая, странная, которая имеет отношение только к Древней Греции и из которой все исчезло, как по волшебству. Рассыпалось именно тогда, когда в других странах все началось. Представляете?

В других странах начинается культура, а здесь, как только государство появилось, все исчезло. А кто создал государство? Македонский. Вот как только он его создал, Эллада перестала существовать – ее не стало. Именно потому, что Эллада – это виртуальность. Но древнее искусство имеет дату рождения и смерти. Виртуального рождения и смерти. И я могу эти даты назвать. Дата рождения ее 787 год или 785, т.е. 8 век до н. э. Это произошло тогда. Я очень люблю книгу Аполлодор «Мифологическая библиотека». Что же пишет греческий историк Аполлодор? Большое внимание он, как историк, уделяет одной из самых важных исторических фигур Греции – Гераклу. Что сделал Геракл, кроме тех 12-ти подвигов, которые просто входят в детскую антологию? Аполлодор пишет, что Геракл, кроме того, что является очень интересной фигурой, учредил Олимпийские состязания. Он, воздвигнув у камня алтарь Пелопса, о котором мы будем с вами говорить, создал тем самым такой вид спорта, как борьбу на колесницах. Кроме этого, он соорудил шесть алтарей 12-ти богам, по шести видам спорта. Олимпия – это место в Греции на Пелопоннесе – нежилое, там никто не живет, кроме обслуживающего персонала. И именно там Геракл учредил Олимпийские игры. На этом алтаре всегда лежит сухой вереск и раз в четыре года этот вереск начинает дымиться и разгорается огонь нерукотворный. Там, конечно, были такие оптические стеклышки, но это не люди высчитывают начало Олимпийского огня. Это идет от Феба – он подает знак. Зевс и Феб подают знак. Ходили, правда, слухи, что это все основал не Геракл,

а изъясняясь современным языком его секретари, но эти слухи не отвечают историческим фактам. Может он и поручил кому-то делать «документы», но основал-то он. И это было непререкаемо. И когда огонь разгорается, зажигают Олимпийские факелы и передают гонцам. И те начинают бегать по городам. Тут же заключалось перемирие и начиналась Олимпийская неделя.

Именно в этой точки все и началось, потому что то, что является понятием «Эллада» – это есть событие – Олимпийские игры или то, что проходит один раз в четыре года. Это событие, вокруг которого консолидируется все!

Если ваш Полис принимает участие в играх, то есть допущен принимать в них участие, то вы – эллин, а если не допущен, то, кто вы тогда? Варвар. Варвары – это не эллины. Вы что думаете, они не знали какие персы высококультурные? Порой, даже более, чем греки. Знали, но они были варварами, потому что у них не было игр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volkova_paola/lekcii-po-iskusstvu-professora-paoly-volkovoy-kniga-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)